

ВЛАДИМИР МОРОЗОВСКИЙ

Об артистах, рожденных в цирковых семьях, принято говорить, что они родились в опилках. Так можно сказать и о клоуне Владимире Морозовском: его отец и мать были известными в свое время музыкальными эксцентриками, много лет кочевавшими из одного цирка в другой. Да и родился он (в августе 1936 года), что называется, на цирковом перепутье, когда Морозовские приехали на гастроли в далекий Чимкент. Как и его старший брат Александр, Володя очень рано, еще будучи ребенком, вошел в номер родителей, стал выступать вместе с ними в представлениях.

Семейная школа, раннее приобщение к манежу помогли творческому становлению будущего клоуна-буфф, обогатили его практическими знаниями и опытом. Ему было чему поучиться у родителей, у других мастеров манежа, с которыми он повседневно встречался на репетициях и спектаклях. Морозовские были не только первоклассными музыкальными эксцентриками, они профессионально владели несколькими жанрами. Нина Владимировна выступала в прошлом в икарыйских играх, была искусной эквилибристкой. Многие «перепробовал» на своем веку Александр Константинович — скоморох-зазывала на раусе циркового балагана, исполнитель (вместе с парт-

нерами) комических дуэтов и трио под собственный аккомпанемент на балалайках, Белый клоун.

Все, что было накоплено родителями за долгие годы работы в цирке, они старались передать сыну, поощряя его интерес к другим жанрам, стремление обогатить и расширить свои творческие возможности. Владимир был старательным учеником, он репетировал с раннего утра и до позднего вечера, дневал и ночевал на манеже. По совету отца окончил музыкальную школу. Не прекращая выступлений в родительском номере, стал виртуозным акробатом-прыгуном, учился сложному искусству комедийной пантомимы, умению разговаривать на манеже.

Но главное, пожалуй, что на всю свою жизнь унаследовал от родителей Владимир Морозовский, — это вечная творческая неудовлетворенность, желание постоянно совершенствовать свое мастерство, привносить в него все новые и новые краски. Перед глазами всегда стоял пример отца. Морозовский-старший был щедр на выдумку: в его номере помимо традиционных тромбонов и саксофонов широко использовались изготовленные им оригинальные инструменты. Артисты играли на точильных кругах, на поющих рапирах и бильярдных шарах, на звучащих канделябрах и ракетках от пинг-понга. Некоторые из этих музыкальных трюков, как и прыжковую акробатику, Морозовский-младший включил затем в свой клоунский репертуар.

К двадцати годам В. Морозовский в полной мере овладел секретами «семейного жанра», его коронный трюк — соло на двух кларнетах одновременно — был украшением программы (этот трюк, кстати, он исполняет и поныне). Казалось бы, пришло время подумать о собственном музыкальном номере, продолжить дело отца. Но неожиданно для многих молодой артист сошел с проторенной дороги, решил переменить жанр. В 1955 году музыкальный эксцентрик Владимир Морозовский впер-

вые вышел на манеж в образе Рыжего клоуна Шурупчика.

Из всех Рыжих клоунов Шурупчик — один из самых мягких и лиричных. Артист долго искал характер своего героя, его внешний облик, манеру поведения. Образ, естественно, утрирован (клоун есть клоун), но эта утрировка как бы нанесена прозрачной и тонкой акварелью. Нет ничего бросающегося, кричащего ни в гриме, ни в костюме. Даже цвет рыжего парика словно приглушен и погашен. И разговаривает клоун не «по-клоунски»: тембр голоса ровен, не перебиваются и не коверкаются слова. Рыжий и вроде бы не Рыжий — не сразу и не вдруг «укладывается» Шурупчик в наше представление о том, какими бывают обычно артисты, выступающие в этом жанре.

Нет, Морозовский, конечно же, Рыжий клоун, но он трактует этот образ по-своему, без нажима, без назойливого стремления рассмешить во что бы то ни стало. Он неутомим и проказлив, этот симпатичный паренек в мальчишеской, с поперечными пунцовыми полосами майке, ему весело на манеже, и эта веселость передается зрителям. Им становится интересным все то, что говорит и делает коверный, они настраиваются на его, клоунское, восприятие происходящих событий, разделяют его радости и огорчения. Порой действия клоуна могут показаться нелепыми и несуразными, но предельная искренность артиста, его трогательная увлеченность заставляют поверить, что именно так, а не иначе должен был поступить Шурупчик.

— Вот это кастрюли! — восклицает он при виде лежащих на манеже барабанов, на которых играют обычно ударники музыкальных ансамблей. Ему тоже хочется сыграть на «кастрюлях». Попробовал — получилось, зрители аплодируют Шурупчику. Он горд и счастлив: вот, дескать, что я умею!

В это время луч прожектора высвечивает ударника в оркестре. Как бы между прочим он выдает искусную барабанную дробь. Причем делает это небрежно, насмешливо, с явным намерением показать свое профессиональное превосходство.

— Ой, наха-ал! — говорит раздосадованный Шурупчик и снова берется за барабанные палочки. Сейчас он проучит этого нахала, покажет, кто из них настоящий

музыкант. Ударник оркестра принимает вызов и на повторную попытку клоуна показать свое умение отвечает еще более виртуозным пассажем. Шурупчик посрамлен окончательно, он понимает, что ему не превзойти соперника, что дальнейшее соревнование бесполезно.

Что остается клоуну — признать себя побежденным, бесславно покинуть поле боя? Как бы не так! Шурупчик складывает палочки в виде стрелы, лежащей на тетиве лука, и стреляет в обидчика. Протяжный звук стрелы в оркестре имитирует полет стрелы. Выстрел точен: луч прожектора, освещающий ударника, гаснет. «Попал!» — удовлетворенно говорит Шурупчик.

Рыжий клоун, в образе которого выходит на манеж Морозовский, доверчив и благодушен. Этим пользуются его энергичные партнеры, не упускающие случая разыграть Рыжего, одурачить его. Так в репризе «Танец лесорубов» они подготовили для него хитроумную ловушку, в которую, по их замыслу, обязательно попадет наивный простофиля. Розыгрыш коварен: если Шурупчик сделает то, что предлагают партнеры, его рука будет зажата в жестком капкане.

Но Рыжий клоун не так уж прост и совсем не глуп, как может показаться на первый взгляд. Обычно такие злонамеренные розыгрыши кончаются тем, что ему удается перехитрить партнеров и даже наказать их за вероломство. Так случается и на сей раз. Сценку «Танец лесорубов» Шурупчик разыгрывает таким образом, что не его рука, а руки партнеров оказываются в капкане. Подтекст репризы очевиден: «Нерой яму другому — сам попадешь в нее».

Образ Шурупчика многогранен, однако преобладают в его характере детская непосредственность, убежденная вера в то, что все происходящее на манеже делается не «понарошку», а всерьез. Впечатление такое, что клоун не играет репризы и сценки, а живет в них; он сродни любознательному ребенку, которому все интересно, до всего есть дело. Эта непосредственность особенно близка и понятна юным зрителям — самым горячим и преданным поклонникам Рыжего Шурупчика.

В отличие от некоторых других популярных коверных Морозовский очень редко меняет партнеров. Да и сами артисты,

особенно молодые, не спешат расставаться с ним, им интересно работать с этим энергичным, всесторонне подготовленным мастером манежа, у которого многое можно почерпнуть, многому научиться. Всерьез и надолго «прописались» в коллективе Морозовского Белый клоун Иван Сургучев и клоун-резонер Юрий Аветисян: первый проработал здесь двенадцать лет, второй — двадцать два года. О них никак не скажешь, что они «на подхвате», что их роль второстепенна. И тот и другой — полноправные партнеры Морозовского, они несут на своих плечах значительную часть репертуара. Профессионально владеет ксилофоном, отлично танцует, участвует во многих репризах и сценках неизменная партнерша и первая помощница Шурупчика Валентина Морозовская.

Чаще всего случается так, что артист, перебивший жанр, как бы забывает о том, чем он занимался прежде. Выступая в новом амплуа, он не всегда оглядывается на прошлое, не находит применения приобретенным ранее навыкам и умению.

Клоун Морозовский не отказался от «семейной профессии»: его программы насыщены элементами музыкальной эксцентрики. По ходу представления артист играет на пианино, кларнете (напомним, на двух одновременно!), ксилофоне, саксофоне, тубофоне, концертине — всего не перечислишь. И в этом органическом сочетании двух жанров — буффонадной клоунады и музыкальной эксцентрики — самая, пожалуй, примечательная особенность Рыжего Шурупчика.

ХАСАН МУСИН

Имя этого человека еще при жизни стало легендой. Оно гремело на манежах крупнейших городов нашей страны. Где бы ни появился этот артист, в кассе — аншлаг: «Все билеты проданы». Этот цирковой комик умел смешить до слез и, подобно великому Чаплину, оставлял у зрителей тень печали.

Хасан Галиевич Мусин родился в Ташкенте в 1914 году. Похоже, что в цирк он

попал совершенно случайно. Рассказывают, что однажды, спасаясь от жары, Хасан забрел на галерку ташкентского цирка. В это время репетировала молодая артистка Тамара Брок. Она старательно разучивала новый жонглерский трюк. И постоянно роняла мячи. Один из них залетел на галерку к Хасану. Парень перелез через барьер галерки, чтобы вернуть мяч и... остался в манеже на всю жизнь.

На шустрого, смышленного мальчика обратил внимание известный цирковой гастролер Николай Аристархович Аристархов. Это был универсальный артист-акробат, атлет, эквилибрист, музыкант и дрессировщик собак.

Встреча для обоих оказалась счастливой.

Номер, который Николай Аристархович подготовил со своим двенадцатилетним питомцем, назывался «Эквилибр на переходной лестнице». Аристархов не признавал никаких лонж, т.е. страховок. Хасан же от природы был наделен бесстрашием или, как говорят в цирке, куражем.

Сохранился текст старой афиши, дающей представление о характере их совместной работы:

«Единственный раз в сезоне! Новый мировой рекорд! Переход через лестницу с тремя балансами на радиомачте. Н.Аристархов будет балансировать мачту на лбу, на верхнем конце которой будет стоять Х.Мусин, и в таком порядке они сделают полный переход через лестницу». Внизу крупный заголовок: «Стальной череп».

Хасан сразу показал себя человеком разносторонне одаренным. Проявив себя отменным гимнастом, он легко освоил основы музыкальной грамоты. И уже через год стал полноправным партнером своего учителя и в музыкально-акробатическом номере.

Они выходили в манеж в русских боярских камзолах и проделывали ряд отчаянных акробатических трюков, одновременно играя на различных гармониках. Музыкальными инструментами был буквально заставлен манеж. Но Мусину пришлось по сердцу только одно концертно — миниатюрный инструмент, имеющий вид шестигранной гармоники. С ней он уже не расставался никогда. Концертно стало его своеобразной визитной карточкой, вроде тросточки Чаплина.

Хасан рос, совершенствовался в мастерстве в домашней школе Аристархова. И вот наставник стал замечать, что Хасан, или как его тогда называли Хасик, все чаще интересуется работой клоунов. Мастер вначале не принял это всерьез. Но потом понял — здесь призвание, здесь судьба.

Между тем кумиром самого Мусина на всю жизнь становится гениальный актер Чарлз Спенсер Чаплин. Первый же увиденный фильм с ним покорило молодого циркача. И он стал жадно искать прототипа американского комика на манеже. И нашел.

Встреча эта произошла в семипалатинском цирке. Здесь-то Хасан и увидел того, о ком так много и восхищенно рассказывали друзья. Генри Лерри. Артист, умевший все. Не было жанра, которым бы он ни владел — проволока, воздух, прыжки, наездник, жонглер... и, главное, комик, каких поискать, работающий в маске Чарли Чаплина.

С этого дня Хасан неотступно следует за Генри Лерри, впитывая его жесты, слова, мимику. Решение созрело окончательно. Он станет коверным. И будет выступать в маске Чаплина.

Исподволь, тайно Мусин начинает готовиться к этой роли: разучивает чаплинскую походку, готовит реквизит.

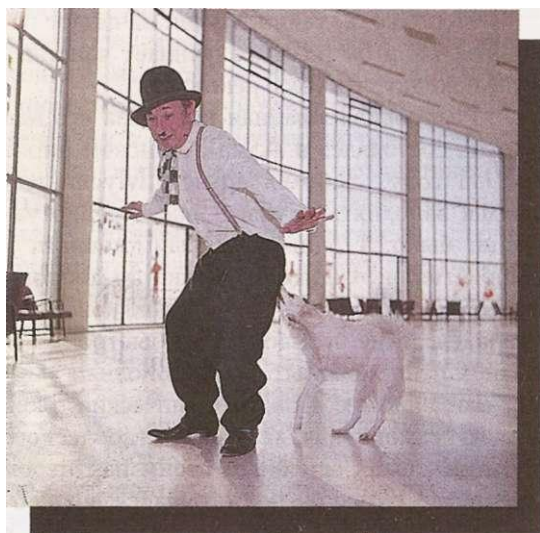
Импровизированная премьера его как клоуна состоялась в Алма-Атинском цирке в 1931 году. Заболел артист. Мусин вызвался заполнять паузы. Своего репертуара не было. Пришлось позаимствовать у Генри Лерри. Однако публика по доброму отнеслась к новичку. А молодой коверный старался. И не напрасно. Его быстро заметили. Сотни любопытных глаз ловили каждое его движение, каждый комический трюк.

С самого начала своего творческого пути он сделал основным своим партнером публику. От нее он подпитывался волшебной энергетикой, вместе с ней создавал в манеже и зале атмосферу праздника и веселья.

Некоторые яркие интермедии рождались у Мусина экспромтом. Он обладал высокоразвитой фантазией и исключительной творческой интуицией. Так родились забавные сценки «Можно поиграть?», «Собачка», «Опилки на ковре».

Комик, как говорят, от Бога, артист-самородок Мусин не заканчивал ни театральных, ни цирковых училищ. Его школой стала практика. Именно она развивала талант Мусина. В особенности талант импровизатора. Хасан Галиевич постоянно был настроен на эту творческую волну. Точно «подцепленные» глазом коверного художественные детали нередко вырастали в комедийные миниатюры. Так возникла реприза «Можно поиграть».

... Закончился номер музыкальных эксцентриков. Исполнители покинули манеж. К столику, где были забыты музыкальные инструменты, подходит Чаплин-Мусин и жестами просит разрешения у инспектора немного поиграть. Тот строго отказывает. Чаплин с грустью готовится было уйти, но неожиданно замечает на барьере кем-то оставленное концертно. Чаплин как замороженный смотрит на инструмент. Скромно присаживается рядом с ним. Затем, улучив момент, прячет его под пиджак... Кажется, никто не заметил. Можно уносить ноги. Но не тут-то было. Инспектор настигает плутишку и отбирает инструмент, Чаплин расстроен, но не сдается. Вторая попытка. Опять провал. Наконец, инспектора кто-то позвал, он уходит за ку-

лисы. Концертино вновь в руках Чаплина-Мусина. Он торопливо растягивает меха. И зал заполняет нежная приятная мелодия. Цирк с восхищением слушает замечательного музыканта...

А вот набросок, рожденный как игровая импровизация. На манеже дрессировщица собак с целым коллективом своих питомцев. Чарли-шалун просит принять его в компанию четвероногих. Мусин опускается на четвереньки — теперь он точно сойдет за песика. А для пушей убедительности прикладывает свою тросточку к тому месту, где у животных растет хвост. Ласково помахивает ею, выражая новым друзьям свою симпатию и преданность.

Казалось, бы ничего в этих сценках особенного нет, так пустячок. Но в этом и состоял секрет таланта Мусина, для которого главным было не ЧТО, а КАК. Фокус состоял в том, КАК это было сыграно. А чувство меры, художественный вкус были развиты у Мусина смолodu. Именно это и придавало его «пустячкам» художественное совершенство, вызывая радость у зрителя.

...Сегодня клоун-мим не редкость. Его часто встретишь и на цирковых манежах и на эстрадных подмостках. Во времена же Мусина клоунов-минов можно было пересчитать по пальцам. И одним из самых ярких представителей был сам Хасан.

Жест и пластика — инструменты мима. Мусин владел ими в совершенстве. Его

гибкое натренированное тело, поразительная мимика ставили Мусина над другими клоунами. Но особо выразительными были его ноги. Они были фантастически подвижны, как шарниры, выписывали затейливые вензеля и точно отображали любые эмоциональные состояния.

Этому мастеру смеха удалось преобразить саму природу пантомимы. Из чисто развлекательной, нередко пошловатой, какой она была до того, он сделал ее содержательной, придал смысловое значение и облагородил.

В отличие от большинства клоунов, Мусин использовал минимум реквизита. Как правило, это были подручные, бытовые предметы: милицейский свисток, обычный стул, носовой платок, соленый огурец и тому подобное. К тому же многие свои сценки Мусин разыгрывал вообще без бутафории.

И все же главными чертами, которые отличали его от других коверных, были врожденный артистизм, феноменальное чувство юмора, а также искренность, вера и детская непосредственность. Это были главные формулы его успеха у публики. Надежные и постоянные.

К сожалению, в жизни и творчестве артиста не все зависит от публики. Искусство часто становится жертвой политики. После очередной кампании «борьбы с рецидивами буржуазной идеологии» Мусину пришлось сменить имидж. Отказаться от чаплинского образа. Это его расстроило, но не сломало.

Он принял решение. Костюм не должен быть ярким, яркой должна быть мимика. Не будет ни парика, ни накладного носа. Будут лишь обводиться тушью глаза для большей выразительности. Чтобы придать лицу некоторую характерность, будут оставлены чаплинские усики. Мешковатый костюм не первой свежести и мятая шляпа завершат внешний облик нового персонажа.

И первые же гастроли в новом облике по Дальнему Востоку подтвердили, что Мусин не ошибся. Публика принимала его новую маску с восторгом.

Это был новый успех, который сопровождал Хасану Мусину до конца жизни.